

DOI 10.35775/PSI.2025.120.8.019

УДК 32.327

Д.Г. НИКИТАЕВА

проректор Дипломатической академии

МИД России по дополнительному профессиональному

образованию и связям с общественностью,

Россия, г. Москва

E-mail: d.nikitaeva@dipacademy.ru

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ОСНОВ «МЯГКОЙ СИЛЫ» В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ В КОНТЕКСТЕ РОССИЙСКИХ ПРАКТИК

В статье проводится комплексный анализ процесса формирования теоретических основ и практик применения концепции «мягкой силы» в международных отношениях с акцентом на российскую специфику. Исследуются этапы эволюции концепции «мягкой силы», ее интерпретации и трансформации в российских политико-дипломатических и академических дискурсах. Особое внимание уделено различию между «мягкой силой», пропагандой и публичной дипломатией, а также современным критериям эффективности культурного влияния.

Ключевые слова: мягкая сила, культурная дипломатия, публичная дипломатия, пропаганда, международные отношения, культурное влияние, гуманитарная политика.

Введение. Понятие «мягкая сила» – одно из наиболее обсуждаемых в современной теории и практике международных отношений. Оно обозначает способность государства оказывать влияние на других акторов международной системы не силой принуждения, а через привлекательность своей культуры, идеологии, политических институтов и моделей поведения. Концепция, впервые системно сформулированная Джозефом Наем [17. Р. 153-171], в 1990-е гг. быстро распространилась в политических и академических кругах западных стран, а с начала XXI века стала предметом активного обсуждения и в последствии – адаптации в России.

В современной международной политике «мягкая сила» рассматривается как необходимый элемент комплексной внешнеполитической стратегии, особенно в условиях, когда традиционные военные и экономические рычаги воздействия не всегда оказываются эффективными или легитимными. Для нашей страны, столкнувшейся с беспрецедентным санкционным давлением, информационной войной и усилением геополитического соперничества, вопросы концептуализации, институционализации и практического применения «мягкой силы» становятся особенно актуальными. Важность этой темы отражена

и в официальных стратегических документах, а также в многочисленных публикациях российских и зарубежных исследователей [5. С. 221-225; 7. С. 57-66].

В данной статье автор предпринимает попытку проследить логику построения взаимосвязи от теоретических основ и западных интерпретаций к национальной специфике и многообразию российских практик, а также к анализу инструментов и критериев эффективности. Особое внимание уделяется проблеме разграничения «мягкой силы», пропаганды и публичной дипломатии, поскольку именно здесь лежит важнейший водораздел между легитимными и нелегитимными, устойчивыми и ситуативными формами влияния. Завершают работу размышления автора о перспективах соотношения «мягкой силы» и новых вызовов цифровой эпохи, а также о необходимости переосмысления критериев эффективности культурного влияния в условиях глобальной конкуренции.

1. Концепция «мягкой силы» и ее применение в современной российской практике. Истоки теории «мягкой силы» берут начало в западной политологической мысли второй половины XX века, когда на фоне завершения холодной войны, распада биполярной системы и роста значения негосударственных акторов в международных отношениях возникла потребность в новых концептах внешнеполитического воздействия. Джозеф Най, американский политолог, системно изложил идею «мягкой силы» в своей книге «Bound to Lead: The Changing Nature of American Power» [14], а затем подробно развил ее в работах «Soft Power: The Means to Success in World Politics» [18] и «The Future of Power» [19]. В его определении мягкая сила — это способность добиваться желаемого через привлечение, а не принуждение или подкуп.

Д. Най выделяет три основные составляющие мягкой силы: привлекательность культуры, привлекательность политических ценностей и легитимность внешней политики. Каждая из этих составляющих способна транслировать позитивный образ страны, формировать доверие и симпатии у зарубежных аудиторий. В отличие от «жесткой силы», выражающейся в военной мощи или экономических санкциях, «мягкая сила» действует опосредованно, через изменение восприятия, установление доверия, создание долгосрочных устойчивых связей. Д. Най подчеркивает, что мягкая сила становится особенно важной в условиях информационного общества и глобализации, когда массовые коммуникации ускоряют обмен образами, идеями и ценностями.

В американском контексте теория мягкой силы изначально была призвана стать инструментом поддержания глобального лидерства США в условиях роста конкуренции с новыми державами и кризиса традиционных моделей влияния. Эволюция взглядов Ная на «мягкую силу» прослеживается в его более поздних работах, где он вводит понятие «умной силы» как сочетания «жесткой» и «мягкой» силы [15. P. 160-163].

Однако не только на уровне научной мысли, но и на уровне теоретического осмысления и практического внедрения в разных странах «мягкая сила» также претерпевает значительные трансформации. В России интерес к этой

концепции возник в начале 2000-х годов на фоне поиска новых инструментов международного позиционирования. Ключевой рубеж – включение понятия «мягкая сила» в официальные внешнеполитические документы. В частности, в «Основных направлениях политики Российской Федерации в сфере международного культурно-гуманитарного сотрудничества», утвержденных МИД России в 2010 году, подчеркивается: «Используя специфические формы и методы воздействия на общественное мнение, культурная дипломатия как никакой другой инструмент «мягкой силы» способна работать на укрепление международного авторитета страны, служить убедительным свидетельством возрождения Российской Федерации в качестве свободного и демократического государства» [6]. В Концепции внешней политики Российской Федерации, принятой в 2013 году, «мягкая сила» официально закрепляется как неотъемлемый элемент современной международной политики [3].

Российская специфика применения мягкой силы во многом определяется историко-культурным контекстом, а также вызовами и ограничениями современной геополитики. «Мягкая сила» в России осмысливается преимущественно как инструмент культурной дипломатии и гуманитарного влияния, применяемый в условиях санкций и информационного противоборства [5]. М.А. Неймарк подчеркивает: «Мягкая сила расширяет привычный коридор внешнеполитических возможностей государств. Особое значение она приобретает в новых – санкционных – условиях перехода Запада от конкурентно-партнерского сотрудничества с Россией к конфликтному соперничеству на мировой арене» [5. С. 221].

В российской практике мягкая сила опирается на целый комплекс инструментов: продвижение русского языка и культуры, поддержка соотечественников за рубежом, проведение крупных культурных мероприятий, развитие образовательных программ, гуманитарная помощь, работа с зарубежными средствами массовой информации. Активную роль играют такие институты, как Россотрудничество, Российские центры науки и культуры, ведущие отечественные ВУЗы, крупнейшие музеи, а также неправительственные организации и фонды [1. С. 43-46]. В последние годы внимание уделяется развитию цифровых гуманитарных технологий: онлайн-курсов, виртуальных музеев, культурных фестивалей, – что позволяет расширить охват и повысить эффективность воздействия.

Особое место в российской стратегии «мягкой силы» занимает обращение к историческому наследию и традиционным ценностям. Россия позиционирует себя как хранительница традиционных ценностей в противовес западному либерализму, что находит отклик в консервативных кругах многих стран. Этот подход имеет как сильные стороны, связанные с апелляцией к глубинным культурным кодам, так и ограничения, обусловленные риском изоляции от основного течения глобальных культурных процессов.

Тем не менее, российский опыт демонстрирует высокую адаптивность «мягкой силы» к новым условиям. Так, в условиях санкционного давления и жесткой информационной конкуренции, российские акценты смещаются

с универсалистских моделей к продвижению национальной идентичности, исторической памяти, собственных культурных брендов, а также к укреплению связей с ключевыми партнерами на постсоветском пространстве, в Азии, Африке и Латинской Америке.

2. Отличие «мягкой силы» от пропаганды и публичной дипломатии.

Одной из наиболее острых теоретических и практических проблем в дискурсе относительно «мягкой силы» является четкое разграничение между «мягкой силой», пропагандой и публичной дипломатией. Несмотря на то, что эти понятия часто используются как синонимы, их природа, цели и механизмы действия существенно различаются.

Культурная дипломатия, публичная дипломатия и дипломатия «мягкой силы» – тесно связанные, но не тождественные явления. Как отмечает К.М. Табаринцева-Романова, культурная дипломатия – это самостоятельный вид дипломатии, ориентированный на продвижение национальной культуры и языка, формирование позитивного имиджа страны и развитие межкультурного диалога [8. С. 26-37]. Она подчеркивает: «Культурная дипломатия – это государственная политика, направленная в рамках внешней политики на экспорт репрезентативных данных национальной культуры и на взаимодействие с другими странами в этой же культурной сфере» [8. С. 31]. В отличие от пропаганды, культурная дипломатия и мягкая сила действуют через привлечение, а не через принуждение или манипуляцию.

Публичная дипломатия – более широкий термин, обозначающий коммуникацию государства с зарубежными аудиториями с целью формирования благоприятного общественного мнения и поддержки внешнеполитических инициатив. Публичная дипломатия может включать в себя элементы применения «мягкой силы», но может также служить инструментом информационного воздействия, если ее задачи и средства становятся ближе к пропаганде.

В свою очередь, под пропагандой понимается целенаправленное, зачастую одностороннее воздействие на массовое сознание, направленное на убеждение или манипуляцию общественным мнением. В отличие от мягкой силы, пропаганда опирается не на добровольное принятие транслируемых ценностей, а на их активное навязывание, часто с использованием эмоций, стереотипов, манипуляций фактами. В отличие от пропаганды, мягкая сила работает на привлечение, а не на прямое навязывание своих ценностей. Современные исследователи отмечают, что эффективность мягкой силы напрямую зависит от доверия и воспринимаемой легитимности: если аудитория чувствует манипуляцию или несоответствие между словами и действиями, эффект может быть противоположным желаемому [5].

Проблема разграничения понятий особенно актуальна для России, где культурные, гуманитарные и информационные проекты реализуются на фоне жесткой информационной конкуренции и попыток зарубежных акторов дискредитировать отечественные инициативы, представляя их как элементы пропаганды или «гибридных» стратегий. В то же время в российском законодательстве

и институциональных практиках отсутствует четкое и общепринятое определение внешней культурной политики, что создает дополнительную теоретическую и практическую неопределенность [1].

В зарубежной научной литературе акцентируется внимание на том, что мягкая сила требует не столько экспорта ценностей и культурных продуктов, сколько создания условий для диалога, взаимного уважения и сотрудничества [10. Р. 189-191; 16. Р. 94-109]. В современных условиях «мягкая сила» все больше приобретает характер «перекрестной» коммуникации, где не только страна-экспортер, но и принимающие аудитории становятся активными участниками процесса.

Специфика культурной дипломатии заключается в том, что она «концентрирует свою деятельность на культурных, образовательных обменах и повседневной культуре» [8. С. 32]. Это делает ее более устойчивой к политической конъюнктуре и позволяет поддерживать связи даже в периоды охлаждения межгосударственных отношений. История знает множество примеров, когда культурные связи становились мостом для восстановления политического диалога.

В российском контексте проблема разграничения «мягкой силы» и пропаганды приобретает особую остроту в связи с наследием советского периода, когда идеологическая пропаганда была основным инструментом внешнего влияния. Современная Россия стремится дистанцироваться от пропагандистских методов, делая акцент на культурном диалоге, равноправии сторон и взаимном обогащении. Однако в условиях информационного противостояния и необоснованных обвинений стран коллективного Запада в пропаганде эта задача становится особенно сложной.

Российские исследователи и практики все чаще говорят о необходимости развития концепции «гуманитарного сотрудничества» как альтернативы западным моделям взаимодействия. Эта концепция предполагает равноправный диалог культур и совместное решение глобальных проблем. В отличие от односторонней модели влияния, заложенной в концепции «мягкой силы», гуманитарное сотрудничество предполагает взаимность и партнерство. Такими представляются, например, основные постулаты Большого евразийского партнерства [2. С. 11-20].

Важным аспектом является также вопрос о субъектах «мягкой силы». Если традиционная дипломатия является прерогативой государства, то в реализации «мягкой силы» активную роль играют негосударственные акторы: университеты, культурные институции, общественные организации, деятели искусства и науки. Как отмечают ученые, «актерами культурной дипломатии, как правило, в зависимости от трека дипломатии, являются: сами сотрудники министерства иностранных дел и министерства культуры (дипломатические миссии и институты культуры), международные общественно-политические и культурно-просветительские организации... непосредственно деятели культуры» [8. С. 34]. «Мягкой силой» могут обладать также международные организации

и объединения стран, создавая притягательный имидж в проводимой работе на социально значимых направлениях [4. С. 136-149].

Эффективность различных форм внешнего влияния также существенно различается. Пропаганда может давать быстрый, но краткосрочный эффект, часто вызывая обратную реакцию при разоблачении манипулятивных техник. Публичная дипломатия более устойчива, но требует постоянных усилий и ресурсов. «Мягкая сила» действует медленно, однако ее эффект наиболее долговременный, так как основывается на глубинных изменениях в восприятии и ценностных ориентациях.

В современных условиях происходит конвергенция различных форм внешнего влияния. Цифровые технологии размывают границы между официальной дипломатией, публичной дипломатией и спонтанными гражданскими инициативами. Социальные сети создают новые каналы для распространения как «мягкой силы», так и пропаганды, причем отличить одно от другого становится все сложнее. Это создает новые вызовы как для теоретиков, так и для практиков международных отношений.

Таким образом, успех современной «мягкой силы» государства во многом зависит от того, насколько она сможет избежать ассоциаций с пропагандой, выстроить доверительные и взаимоуважительные отношения с зарубежными аудиториями, а также обеспечить соответствие между провозглашаемыми ценностями и реальными действиями государства и его институтов.

3. Критерии эффективности культурного влияния. Вопрос эффективности мягкой силы – один из наиболее сложных и дискуссионных в современной политической науке.

Традиционные количественные показатели, такие как число проведенных культурных мероприятий, количество изучающих язык страны, объем культурного экспорта, безусловно, важны, но не дают полной картины, для объективной оценки эффективности мягкой силы необходима комплексная система показателей, включающая культурный, образовательный, информационный охват и уровень доверия, хотя «в то же время для формирования общественного мнения в зарубежных странах требуется широкий охват населения, который может быть осуществлен только за счет продвижения продукции массовой культуры для насыщения зарубежного культурного пространства произведениями отечественных авторов» [9. С. 194]. Уровень доверия является ключевым, но наиболее трудно измеримым показателем.

Отсутствие универсальных и эмпирически проверяемых индикаторов заставляет исследователей разрабатывать собственные подходы к измерению и оценке результатов культурного влияния: представляется, что для объективной оценки эффективности мягкой силы необходима система показателей, включающая измерение общественного мнения, информационный охват СМИ, способность стран оказывать влияние на зарубежную аудиторию и др. [11]. В качестве дополнительных индикаторов рассматриваются международные рейтинги имиджа, динамика числа совместных проектов, участие в глобальных

культурных и научных сетях, результаты социологических исследований восприятия страны за рубежом.

Современные подходы к оценке эффективности «мягкой силы» включают как количественные, так и качественные методы. К количественным относятся: статистика культурных обменов и образовательных программ, данные о распространении языка и культурной продукции, рейтинги международной привлекательности стран, экономические показатели культурных индустрий, медиаметрические данные о охвате аудитории. Качественные методы включают: социологические исследования восприятия страны, анализ медийного дискурса, экспертные оценки, долгосрочный мониторинг изменений общественного мнения.

В российских условиях критерии эффективности мягкой силы традиционно включают: количество и охват культурных мероприятий за рубежом, успехи в продвижении русского языка, рост числа иностранных студентов и абитуриентов в российских вузах, развитие и поддержку соотечественников за рубежом, уровень упоминаний и цитируемости российских источников, успешность реституции культурных ценностей, а также степень вовлеченности соотечественников в культурно-гуманитарные проекты. В последние годы к ним добавились цифровые метрики – активность в социальных сетях, количество просмотров онлайн-ресурсов, цифровых выставок, участие в международных форумах в онлайн-формате.

Зарубежные исследования подчеркивают, что наиболее успешные модели мягкой силы опираются на долгосрочные стратегии, системную работу с молодежью, создание и продвижение культурных и спортивных брендов [12. Р. 256-268; 13. Р. 40-45].

В российских исследованиях выделяется важность институционализации «мягкой силы», развития системы мониторинга и оценки, внедрения новых форматов цифровой гуманитарной дипломатии. Констатируется, что успешная внешняя культурная политика требует постоянного обновления нормативно-правовой базы, которая в свою очередь служит для развития партнерства с региональными и международными организациями, вовлечения новых акторов – фондов, общественных организаций, бизнес-структур [1].

Важным направлением развития методологии оценки является использование больших данных и современных аналитических технологий. Анализ социальных медиа, онлайн поведения, цифровой среды позволяет получить более точную картину восприятия страны и эффективности конкретных инициатив. Однако это создает и новые этические вызовы, связанные с приватностью и манипулированием данными.

Следует также подчеркнуть, что в современном мире эффективность мягкой силы часто оказывается зависимой от глобальных информационных потоков, уровня цифровизации, способности государства и его институтов интегрироваться в международные культурные и образовательные сети. Цифровые

технологии меняют саму природу культурного влияния, делая его более многослойным, сетевым, интерактивным.

Важным аспектом является также оценка соотношения затрат и результатов. В условиях ограниченных ресурсов особенно важно определить наиболее эффективные направления и инструменты. Это требует не только экономического анализа, но и понимания специфики различных целевых аудиторий и региональных контекстов.

На основе комплексного изучения отечественной и зарубежной научной литературы можно констатировать, что критерии эффективности культурного влияния должны включать как количественные показатели – число проведенных культурных мероприятий, количество изучающих язык страны, количественные показатели образовательных программ, так и качественные. В числе качественных можно выделить ряд групп. Первая – измерение общественного мнения. Вторая – информационный охват в зарубежных СМИ, включающий способность оказывать влияние на зарубежную аудиторию. Третья – оценка качества охвата цифровых платформ, содержащих значимый культурный контент.

Экспертные оценки должны стать опорой для измерения качественных показателей, однако в данном случае встает вопрос о необходимости обеспечения репрезентативности и непредвзятости. Более непредвзятым видится анализ больших данных, однако качество такой оценки представляется более низким, чем экспертной.

Заключение. Формирование теоретических основ и практик «мягкой силы» в международных отношениях – сложный и многоуровневый процесс, требующий учета исторического контекста, национальных интересов, динамики глобальной политики и новых технологических вызовов. Российский опыт проведения политики «мягкой силы» демонстрирует как высокую степень заимствования лучших практик зарубежных моделей, так и значительные элементы оригинальности, связанные с приоритетом культурной дипломатии, опорой на историческую память, поддержкой соотечественников, развитием новых цифровых практик.

Важнейшим вызовом остается проблема разграничения «мягкой силы», пропаганды и публичной дипломатии. Российская стратегия в этой сфере должна стремиться к максимальной прозрачности, открытости, опоре на доверие и уважение, на создание условий для диалога, а не одностороннего навязывания ценностей. Только в этом случае «мягкой силы» может стать устойчивым и эффективным инструментом внешней политики.

Критерии эффективности культурного влияния нуждаются в постоянном обновлении и адаптации к новым реалиям. В условиях цифровой революции и глобальной конкуренции успешной может быть лишь та стратегия, которая сочетает институциональную гибкость, инновационность, долгосрочную ориентацию на построение доверия и устойчивых связей, а также умение работать с новыми аудиториями и новыми форматами коммуникации.

В заключении важно подчеркнуть, что «мягкая сила» в российском контексте – это не только колоссальный ресурс, но и испытание для национальной идентичности, способности к самообновлению, открытости миру и готовности к диалогу на равных. Именно в этом направлении должны развиваться дальнейшие научные исследования и практические стратегии, чтобы мягкая сила России стала фактором не только внешней, но и внутренней устойчивости и развития.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. **Боголюбова Н.М., Николаева Ю.В.** Проблема выработки нормативно-правовых основ внешней культурной политики России // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 3 (65). Ч. 1.
2. **Воробьев С.В., Крутько А.А., Нарышкин А.А.** Исторические предпосылки и перспективы формирования Большого евразийского партнерства // Человеческий капитал. 2023. № 7 (175).
3. Концепция внешней политики Российской Федерации. 12 февраля 2013 г. // Доступ через справ.-правовую систему ГАРАНТ // <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70218094/>.
4. **Нарышкин А.А., Нарышкина А.А.** Цифровизация здравоохранения в странах БРИКС+ // Современная Европа. 2025. № 1 (129).
5. **Неймарк М.А.** О некоторых методологических подходах к изучению «мягкой силы» // Проблемы постсоветского пространства. 2016. № 1.
6. Основные направления политики Российской Федерации в сфере международного культурно-гуманитарного сотрудничества // МИД России [Официальный сайт] // https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/1751584/.
7. **Пименова Е.В.** Закат «мягкой силы»? Эволюция теории и практики soft power // Вестник МГИМО-Университета. 2017. № 1 (52).
8. **Табаринцева-Романова К.М.** «Новые» виды дипломатии XXI в.: культурная дипломатия в современном международном дискурсе // Дискурс-Пи. 2019. № 3 (36).
9. **Федотова К.Е.** Использование культурного потенциала для реализации задач внешней политики Российской Федерации // Успехи современной науки и образования. 2016. Т. 3. № 9.
10. **Bjola C.** Propaganda in the digital age // Global Affairs. 2017. № 3 (3).
11. **Chaturvedi R.** Measuring Soft Power // Researchgate // https://www.researchgate.net/publication/314141900_Measuring_Soft_Power.
12. **Hu Y.** Institutional Difference and Cultural Difference: A Comparative Study of Canadian and Chinese Cultural Diplomacy // The Journal of American-East Asian Relations. 2013. Vol. 20. № 2/3.
13. **Kanji L.** Illustrations and Influence: Soft Diplomacy and Nation Branding through Popular Culture // Harvard International Review. 2016. Vol. 37. № 2.

14. Nye J. Bound to Lead: The Changing Nature of American Power. New York: Basic Books, 1991.
15. Nye J. Get Smart: Combining Hard and Soft Power // Foreign Affairs. 2009. Vol. 88. № 4.
16. Nye J. Public Diplomacy and Soft Power // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. 2008. Vol. 616 (1).
17. Nye J. Soft Power // Foreign Policy. 1990. № 80.
18. Nye J. Soft Power: The Means to Success in World Politics. New York: Public Affairs, 2005.
19. Nye J. The Future of Power. New York: Public Affairs, 2011.

D.G. NIKITAEVA

Vice-Rector for Continuing Professional
Education and Public Relations, Diplomatic Academy
of the Ministry of Foreign Affairs of Russia,
Moscow, Russia

FEATURES OF FORMING THE THEORETICAL FOUNDATIONS OF «SOFT POWER» IN INTERNATIONAL RELATIONS IN THE CONTEXT OF RUSSIAN PRACTICES

The article provides a comprehensive analysis of the process of forming the theoretical foundations and practical applications of the «soft power» concept in international relations, with a focus on the Russian context. The article examines the stages of the evolution of the «soft power» concept, its interpretations and transformations within Russian political diplomatic and academic discourses. Special attention is paid to the distinction between «soft power,» propaganda, and public diplomacy, as well as to contemporary criteria for the effectiveness of cultural influence.

Key words: soft power, cultural diplomacy, public diplomacy, propaganda, international relations, cultural influence, humanitarian policy.